

УДК 791.43/.45

DOI: 10.34670/AR.2026.49.89.002

К предупреждающей функции монстра. Минус-приемы, верлибры и монструозное

Завгородний Егор Сергеевич

Аспирант,
кафедра истории и философии,
Всероссийский государственный университет
кинематографии им. С.А. Герасимова,
129226, Российская Федерация, Москва, ул. Вильгельма Пика, 3;
e-mail: zavgorodniy@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию предупреждающей функции монстра в контексте систем мифологического сознания. Автор вводит понятие «минус-приема» как значимого отсутствия, нарушающего читательское ожидание в рамках определенной системы мифологического сознания. На примере верлибра (как минус-приема по отношению к ритмизированной и рифмизированной поэзии) и монструозного (как нарушения нормы) демонстрируется, что монстр является особым объектом системы мифологического сознания, характеризующимся внутренним нарушением нормы. Монстр всегда остается в меньшинстве и проявляет отклонение, стремясь либо к восстановлению нормы (регуманизация), либо к замещению нормативного (ресоциализация), что вытекает из его предупреждающей функции. В качестве эмпирического материала приводится интервью с В.А. Новокшеновой (1942 г.р.) о семейном монстре «Ступице», придуманном ее бабушкой для предотвращения походов детей в огород. Анализируется фоносемантическая составляющая слова «ступица», подтверждающая его отталкивающее звучание для носителя русского языка.

Для цитирования в научных исследованиях

Завгородний Е.С. К предупреждающей функции монстра. Минус-приемы, верлибры и монструозное // Культура и цивилизация. 2026. Том 16. № 7А. С. 13-19. DOI: 10.34670/AR.2026.49.89.002

Ключевые слова

Монстр, минус-прием, система мифологического сознания, верлибр, предупреждающая функция, регуманизация, ресоциализация, фоносемантика.

Введение

Описывая все возможные операторы и операнды, системы мифологического сознания кодифицируют и значимые отсутствия, «минус-приемы» [Лотман, 1970, с. 66]: если характеристика того или иного объекта A является *нормой* в рамках данной системы мифологического сознания, то умышленное упущение характеристики A , а также использование характеристики $\neg A$ ($неA$) при описании того же объекта будет восприниматься носителями нормы как минус-прием. Кроме того, минус-приемом становится упущение шагов в заведомо известной последовательности действий для осуществления ритуала или описания феномена в рамках данной системы мифологического сознания.

Основная часть

Минус-прием, как и любое нарушение нормы, становится таковым именно в рамках данной системы мифологического сознания, и может не быть им в рамках другой системы мифологического сознания (например, в приложении к верлибрам: для 1990-х годов в России они продолжали оставаться маргиналией, в то время как английская поэзия тех же лет уже нарушением нормы это не считала). Другими словами, «*минус-прием как нарушение читательского ожидания*» может существовать только при наличии определенного «читательского ожидания».

Этот тезис масштабируется в приложении и к внетекстовым структурам (которые, в свою очередь, тоже кодифицируются системами мифологического сознания). Так, минус-приемом может выступать нарушение интонации предложения в русском языке (например, как частный случай риторического вопроса) или осознанное нарушение темпоритма речи (явно прослеживающееся, например, в публичных речах лидеров Советского союза в 1930-1940-х).

При этом существование самого «читательского ожидания» свидетельствует о том, что системы мифологического сознания, под которые подпадает «читатель», так или иначе обозначают свои безошибочно считываемые нормы, безотносительно вербальные или невербальные. А учитывая, что человек одновременно подпадает под несколько различных систем мифологического сознания, одна и та же характеристика (A или $\neg A$) при описании объекта/ритуала/феномена может восприниматься *одновременно* как минус-прием, норма и нарушение нормы.

В этом случае определяющим фактором становится *контекст* — включенность читателя в ту или иную систему мифологического сознания. Так, рифмизация и ритмизация речи сама по себе является минус-приемом в контексте языка, но перестает быть таковым в контексте речи поэтической. Более того, сама поэтическая речь появляется из минус-приема — как определенным образом структурированная последовательность. Именно этот «определенный образ» характеризует наличие минус-приема: поэтическая речь остается включенной в контекст макросистемы языка, но выделяется из него минус-характеристикой (ритмизация и рифмизация). Функция рифмизации и ритмизации, в таком случае, — наделение слова *большой значимостью*, исходя из определенного положения его в предложении или строфе — из контекста.

С развитием системы мифологического сознания (в данном случае, =поэтической системы) появляются минус-приемы «второго порядка» (*минус-приемы от минус-приемов*) — верлибризация, характеризующаяся отсутствием ритма и/или рифмы, но сохраняющая особую

структурированность. Верлибр остается текстом *поэтическим* (например, работа по сравнению верлибра и его прозаического парафраза была проведена А.Г. Степановым [Степанов, 2014, с. 253-257]).

Минус-прием одновременно *проявляет* норму системы мифологического сознания и участвует в ее развитии/изменении. И если первое исходит из самого определения минус-приема, то второе требует дополнительного пояснения.

В античной традиции боги были бессмертны. Бессмертие — характеристика античного бога. Первая божественная смерть, известная греко-римской античности, описана Плутархом в i-ii веках н.э.: «Умер великий Пан». При этом ниже Плутарх приводит реакцию императора Тиберия на это событие: «Он так убеждён был в истинности этого рассказа, что учинил розыск и относительно Пана было произведено расследование; и учёные, бывшие столь многочисленными при его дворе, предположили, что он был сыном Гермеса и Пенелопы <а значит, изначально смертен>» [Плутарх, *Об упадке оракулов XVII*]. Поздние исследователи связывают появление такого рассказа с упадком античной системы мифологического сознания под влиянием христианства. Таким образом, смерть старого бога (характеристика смертности бога выступает здесь как минус-прием) предвосхищает распространение новой системы мифологического сознания и падение старой.

Описывая все возможные операторы и операнды, создавая *нормы*, системы мифологического сознания денотируют и монструозность как нарушение этих норм. Монстры необходимы культуре — они также *проявляют* эти нормы, предупреждают о нарушении. Подпадая под ту или иную систему мифологического сознания, человек усваивает принятое в ней отношение к монструозности.

Макс Фасмер возводит слово «монстр» к латинскому *monstrum* — «знамение, чудо, чудовище, урод» [Фасмер, *Т.2*, с. 651]; оно, в свою очередь, возводится к праиндоевропейскому **men-* — «думать». В свою очередь, слово «чудо» он так или иначе связывает с древнеиндийским «*ā-kūṭiṣ*» — «умысел» и «*kaviṣ*» — «учитель, мудрец». Культуролог Джеффри Коэн углубляет эту мысль: «Выступая как конструкт и как проекция, монстр существует только для того, чтобы быть прочитанным [от латинского “*monstrum*” – “то, что проявляет”, “то, что предупреждает”]» [Cohen, 1996, p. 3-25].

Учитывая это, монстры не происходят из вакуума; как в этой же работе отмечает Джеффри Коэн: «Тело монстра — это тело культуры». Культура — это установление и описание взаимосвязей между субъектом, объектами, ритуалами и феноменами (*другими словами, культура — это язык систем мифологического сознания*). Таким образом, субъект, подпадающий под ту или иную культурную парадигму, относится к монстру, описанному в этой культуре, именно так, как эта культура требует к нему относиться; взаимопроникновение разных культур, а также появление новых монстров (как ответ на изменяющиеся условия окружающего мира или как потребность для более устойчивого и непротиворечивого описания и осмысления условий — и новых, и изменившихся) меняет сами коннотации монстра — отношение к ним.

Монстр, таким образом, это особый тип объекта системы мифологического сознания, который характеризуется внутренним нарушением нормы этой системы.

При этом следует разделять нарушение нормы (=монструозность) и минус-характеристику: *монструозность* создает **новый объект** (монстр), в то время как *минус-характеристика* описывает **тот же самый объект** на основе читательского ожидания. Впрочем, минус-приемы могут становиться основой для монструозного: так, например, в контексте

упомянутой выше русской верлибристики в 1990-х годах, каждый подобный текст, с одной стороны, был нарушением читательского ожидания в отношении поэтического, а с другой стороны, был литературным *монстром* (например, в контексте литературных споров о «статусе верлибра», ведущихся с середины XIX века). С развитием русской поэтической системы мифологического сознания под воздействием внешних и внутренних факторов верлибр-монстром быть перестает, дополняя собой нормативное.

Или, в приложении к кинематографу:

Персонаж сериала «Вечность» (2014-2015, США) воскресает каждый раз после смерти. При этом он сохраняет все человеческие черты и взаимодействует с окружающим миром как человек — он *остается* человеком. Характеристика бессмертия здесь выступает как *смыслообразующий минус-прием*.

Персонажи зомби-кинематографа (например, «Рассвет мертвецов», реж. З. Снайдер, 2004) тоже воскресают после смерти — становятся живыми мертвецами. Характеристика бессмертия здесь выступает как *нарушение нормы*, а персонажи становятся *монстрами* (зомби).

Монстр, являясь особым объектом системы мифологического сознания, всегда остается в меньшинстве. В этом смысле человек в мире зомби-постапокалипсиса сам становится *монстром* в рамках этой системы мифологического сознания (поскольку произведение искусства генерирует авторскую систему мифологического сознания, и человек в этой конкретной системе остается в меньшинстве). Проявляется дуальность монструозности, зависящая от контекста: для зрителя человек — носитель нормы (зомби, при этом, нарушитель нормы), для рамок произведения человек — нарушитель <новой> нормы (зомби, при этом, — носитель <новой> нормы).

При этом, находясь в меньшинстве и проявляя отклонение, монстр *всегда* стремится восстановить норму. Так, монстр, проявляя нарушение нормы:

- либо стремится к ее *восстановлению* (= **регуанизация**);
- либо стремится к *замещению нормативного* (= **ресоциализация**).

В мировой культуре распространены оба сюжета. Регуанизация: Самсон, чья сверхсила заключена в волосах, лишается волос; Русалочка меняет свой голос на человеческие ноги (оставаясь при этом монстром (=уродом), и погибая от невозможности перехода); Чудовище становится прекрасным принцем из-за любви Красавицы — система мифологического сознания стремится к утверждению и сохранению нормы.

И, в то же время, ресоциализация: Содом и Гоморра разрушаются, как сосредоточение старой (нехристианской) нормы; Ашдо, Геф и Ашкелон погибают от хвори из Ковчега Завета.

И ресоциализация, и регуанизация — процессы, вытекающие из **предупреждающей функции монстра** — крайне распространенной в разных, особенно народных системах мифологического сознания. Часто предупреждающие монстры — персонажи городского и семейного фольклора, и существуют они, чтобы ограждать детей от совершения *греха*.

В ходе работы над исследованием нам удалось отследить рождение одного из таких монстров. Мы провели интервью с Валентиной Аркадьевной Новокишиной 1942 г.р., инженером-конструктором из г. Ижевска, Удмуртская республика, Россия — о монстрах, придуманных ее бабушкой, чтобы оградить Интервьюируемую от походов в огород.

Интервью: Новокишина Валентина Аркадьевна (1942 г.р.), инженер-конструктор. Образование: высшее техническое. Всю жизнь прожила в г. Ижевске Удмуртской республики.

Интервьюер: Завгородний Егор Сергеевич, аспирант кафедры истории и философии ВГИК.

Дата интервью: 31.05.2024

В.А.: В детстве мы жили в деревянном доме на Менделеева, и у нас был огород. Небольшой, но огород. И мы, конечно, любили иногда зайти в этот огород. Там были бобы, горох. И чтобы мы не ходили <туда>, бабушка моя пугала нас **Ступицей**. «*Вот пойдете — Ступица-то вас поймает!*», это чтобы мы не ходили в огород. А еще из-за того, что мы пойдем, начнем горох рвать — и его неудачно срываем, ну сам помнишь, что начинаешь рвать — и можешь сломать стебелек. И бабушка нас вот пугала этой Ступицей. Что собой Ступица представляла? Я даже не помню, какая она. Какая-то такая... Что-то вот какой-то **зверек**. И однажды я зашла в огород уже — и что-то нужно было там. Ну, в школе уже училась! И кошка, видимо, замяукала. Или зарычала. И я так испугалась! И из этого огорода-то выбежала.

Е.С.: *С тех пор в огород больше не ходила?*

В.А.: Ну надо — так ходила. А вот иногда ведь мама посылала — лук сорвать или огурчики. Приходилось ходить! По крайней мере, как-то осторожно. Ступица... Вот почему бабушка у нас придумала такое, что Ступица? Только от нее слышала. И мы, детишки-то вот, знали, что Ступица, а так нигде я не встречала, чтобы где-то встречалось в литературе или кто-то другой говорил. И даже потом, я когда с другими девочками там что-то заходишь, и я иногда говорила: «*Ой, там Ступица!*» Они: «*Кто такая Ступица?*» Они не знали, это только я знала! Только нас бабушка пугала. И она <Ступица> живет где-то в огороде, тут караулит нас, караулит огород, около замков, около двери. И когда вот эта кошка испугала — ну я думаю, что это кошка, наверное... ну, может, **зверек** какой-то — я побежала, даже я запнулась, упала. Испугалась так этой Ступицы. Потом уже смешно было.

Е.С.: *Когда, в каком классе бабушка тебя пугала Ступицей?*

В.А.: Школа. Даже знаешь, может быть, с пяти лет — ну и первые классы. А потом уже в 5-6 классе-то, там уже осознанно, уже более повзрослели. Моя бабушка. Мама моего папы. А у моей мамы бабушка рано умерла, она не жила с нами. А вот эта бабушка, которая моего папы, она жила с нами в деревянном доме на Менделеева. Она родилась в 1899 году. Образование — я даже не знаю. Наверное, какое-нибудь что-то... Церковно-приходская школа. Жила она в Кировской области. Это потом Кировская, а так она Вятская губерния была. Она родилась в Сосновке, село Сосновка. А дедушка, ее муж, ну мой дедушка, он был даже в плену в Первую мировую войну, даже вот у Любы есть фотография, что он сфотографирован в Австрии. И потом, когда он пришел, и тут видимо вскоре поженились. Как они оказались в Ижевске — это я уже не знаю. Но они жили в Кизнерском районе <Удмуртской республики>.

конец интервью.

Согласно Большой Советской энциклопедии, *ступица* — центральная часть вращающейся детали (маховика, шкива, зубчатого колеса и т.д.), имеющая отверстие для посадки на вал или ось. Вероятно, это слово было выбрано бабушкой интервьюируемой благодаря своему звучанию — «*ступица*» стала своеобразным симулякром, словом без денотации, объектом без объекта, поскольку не имела прямого применения в обычной жизни автора (учитывая и уровень ее образования), но могло быть услышано ею на улицах рабочего города (на улице Менделеева в Ижевске в те годы селились работники Мотозавода (сейчас — акционерное общество «Ижевский мотозавод «Аксион-холдинг»), и вероятен путь обретения слова, случайно услышанного на улице; кроме того, отец интервьюируемой сам работал на Мотозаводе и мог «принести» слово с собой).

Более того, говоря о звучании, некоторые наводки на использование слова может дать фоносемантическая традиция. Фоносемантика — направление в лингвистике, изучающее

звукоизобразительную систему языка. Согласно ей, у каждого звука есть свое устойчивое «значение» (по крайней мере, «значение» может быть оценено с пространственно-временных позиций) [Журавлёв, 1974, с.159].

На основе таблиц, составленных А.П. Журавлевым, можно сделать вывод о слове «ступица»: большая часть звуков этого слова ([с, т, у, п', ц]) тяготеют к характеристикам «плохой», «темный», «грубый» и т.п. [Журавлёв, 1974, с. 47-48]. Это слово само по себе *звучит* отталкивающе для носителя русского языка.

Заключение

Интересно, что не имея точного описания, интервьюируемая самостоятельно придумала описание монстра (**зверек**) Ступицы, чтобы напугать саму себя, тем самым закрепить за монстром предупреждающую функцию, которая проявляется, в частности, в том, что монстр оберегает свое пространство существования.

Библиография

1. Журавлёв А.П. Фонетическое значение. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. 159 с.
2. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 66 с.
3. Плутарх. Об упадке оракулов. XVII.
4. Степанов А.Г. Верлибр в пересказе (Г. Алексеев. «Демон») // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2014. № 1. С. 253–257.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс. Т. 2. С. 651.
6. Cohen J.J. (ed.). Monster Culture (Seven Theses) // Cohen J.J. (ed.). Monster Theory: Reading Culture. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 1996. P. 3–25.

On the Warning Function of the Monster. Minus-Devices, Free Verse and the Monstrous

Egor S. Zavgorodnii

Postgraduate Student,
Department of History and Philosophy,
Russian State University of Cinematography named after S.A. Gerasimov,
129226, 3, Vil'gel'ma Pika str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: zavgorodnii@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the warning function of the monster in the context of mythological consciousness systems. The author introduces the concept of the "minus-device" as a significant absence that violates the reader's expectation within a particular system of mythological consciousness. Using the example of free verse (as a minus-device in relation to rhythmized and rhymed poetry) and the monstrous (as a violation of the norm), it is demonstrated that the monster is a special object of the mythological consciousness system, characterized by an internal violation of the norm. The monster always remains in the minority and exhibits deviation, striving either for the restoration of the norm (rehumanization) or for the substitution of the normative

(resocialization), which follows from its warning function. As empirical material, an interview with V.A. Novokshonova (born 1942) about the family monster "Stupitsa", invented by her grandmother to prevent children from going into the vegetable garden, is presented. The phonosemantic component of the word "stupitsa" is analyzed, confirming its repulsive sound for a native Russian speaker.

For citation

Zavgorodnii E.S. (2026) K preduprezhdayushchey funktsii monstra. Minus-priemy, verlibry i monstuožnoe [On the Warning Function of the Monster. Minus-Devices, Free Verse and the Monstrous]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 16 (7A), pp. 13-19. DOI: 10.34670/AR.2026.49.89.002

Keywords

Monster, minus-device, mythological consciousness system, free verse, warning function, rehumanization, resocialization, phonosemantics.

References

1. Cohen, J. J. (Ed.). (1996). *MonsterCulture* (Seven Theses). In J. J. Cohen (Ed.), *MonsterTheory: Reading Culture* (pp. 3–25). Minneapolis; London: University of Minnesota Press.
2. Fasmer, M. (n.d.). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language] (Vol. 2, p. 651). Moscow: Progress.
3. Lotman, Yu. M. (1970). *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The Structure of the Artistic Text]. Moscow: Iskusstvo.
4. Plutarch. (n.d.). *De defectu oraculorum* [On the Decline of Oracles]. XVII.
5. Stepanov, A. G. (2014). Verlibr v pereskaze (G. Alekseyev. "Demon") [Free Verse in Retelling (G. Alekseyev. "The Demon")]. *Vestnik TvGU. Seriya: Filologiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philology], (1), 253–257.
6. Zhuravlyov, A. P. (1974). *Foneticheskoye znachenie* [Phonetic Meaning]. Leningrad: Leningrad State University Press.